

"Culture of restraint" vs "change of epochs": transformation of German security and defence policy

O. V. Agafonova¹

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-1-6-19

Research article
Full text in Russian

The study addresses the patterns, that determine German security and defence policy and its further evolution into the current state. The paper identifies the changes in German approaches to security maintenance on both domestic and foreign political levels. Special attention is paid to the shift from territorial defence to active role of Germany on international security landscape, where Germany undertakes measures to prevent and solve crises and conflicts. We consider aspects that shape German integration into political and military alliances, e.g., EU Common Security and Defence Policy and NATO. German security and defence policy faces multiple challenges, which predominantly deal with scarce financing, inaccurate estimation of defence priorities, etc. It is found out that even with the already existing historically formulated antimilitaristic attitudes, current situation on international landscape requires from Germany a reorientation of its security and defence policy to rational and pragmatic estimation of security risks, dangers and threats, which will result in corresponding security policy. These tendencies do not evidence for German remilitarization. Instead, they demonstrate that security and defence policy can no more fall behind current political, economic or social concerns.

Keywords: German security and defence policy; EU; NATO; military budget; political restraint; antimilitarism; multilateralism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agafonova, Olga V. | E-mail: olga.agafonova92@gmail.com

For citation: Agafonova O. V. "Culture of restraint" vs "change of epochs": transformation of German security and defence policy // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2026. Vol. 12, No. 1. P. 6-19. (in Russ.)

«Культура сдержанности» vs «смена эпох»: трансформация политики безопасности и обороны ФРГ

О. В. Агафонова¹

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2026-1-6-19
УДК 327

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируются факторы, опосредовавшие трансформацию политики безопасности и обороны ФРГ и ее эволюцию от «культуры сдержанности», превалировавшей после объединения страны, к «смене эпох», наблюдаемой с 2022 года по сегодняшний день. Проведен анализ изменений в немецких внутри- и внешнеполитических подходах к обеспечению безопасности страны. Особое внимание уделяется переходу от позиции государства, сконцентрированного на собственной территориальной обороне, к активному игроку на международной арене, способному предпринимать и инициировать меры по предотвращению и урегулированию кризисов и конфликтов. Рассматриваются аспекты, обеспечивающие прочную интегрированность ФРГ в военно-политические альянсы, конкретно – НАТО и Общую политику безопасности и обороны ЕС. Характерно, что построение немцами современной архитектуры обороны сопровождалось рядом проблем, центральная среди них – недостаточное внимание к вопросам обеспечения собственной безопасности, что нашло свое выражение в недофинансировании, неточной оценке оборонных приоритетов, отсутствии вплоть до 2023 года в сфере обороны доктринального документа, отражающего стратегические приоритеты и видение Германии. Установлено, что при присущем Германии исторически обусловленном антимилитаризме реалии сегодняшнего дня требуют от ФРГ переориентации в сторону прагматизма и рационализации рисков, опасностей и угроз, а как следствие, что крайне важно, выработки соответствующей и адекватно отвечающей им политики безопасности. Такие тенденции не свидетельствуют о ремилитаризации Германии, но показывают, что для сохранения и поддержания своей защищенности более неприменимо нивелирование вопросов обеспечения обороны в пользу решения текущих политических, экономических и социальных проблем.

Ключевые слова: политика безопасности ФРГ; ЕС; НАТО; бюджет на оборону; политическое сдерживание; антимилитаризм; мультилатерализм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Агафонова, Ольга Владимировна

E-mail: olga.agafonova92@gmail.com

Соискатель кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук, научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса

Для цитирования: Агафонова О. В. «Культура сдержанности» vs «смена эпох»: трансформация политики безопасности и обороны ФРГ // Социальные и гуманитарные знания. 2026. Том 12, № 1. С. 6-19.

Введение

Политика безопасности и обороны государств за последние десятилетия претерпевает существенные трансформации, что было обусловлено внутри- и внешнеполитическими факторами, а также происходило в ответ на изменения в геополитическом ландшафте. После объединения ФРГ проходила разные этапы трансформации, интенсивность и формат которой зависел от сочетания политических, социально-экономических и международных детерминант. Немаловажное значение имели и быстро изменяющиеся вызовы и угрозы безопасности, которые оказывают влияние на ее эффективность и адаптивность. Реалии XXI века иллюстрируют, что угрозы безопасности – это не только и не столько использование военной силы со стороны контрагента. Их спектр постоянно расширяется, включает миграционные проблемы и их последствия, проблемы изменения климата, угрозы функционированию энергетического сектора, киберпреступления, эпидемии и пандемии и т. д. Эти и другие обстоятельства требуют от ФРГ оперативного и эффективного реагирования.

Будучи глубоко интегрированной в трансатлантическое и общеевропейское партнерство, Германия несет ответственность за обеспечение как собственной (национальной), так и общеевропейской (наднациональной) безопасности¹. Фактически последние являются глубоко и прочно взаимосвязанными друг с другом, когда государство не может считать себя в полной мере защищенным без участия в наднациональных союзах, равно как существование союзов сильно осложняется, если страны-участники не способны обеспечить собственную безопасность. Второстепенное положение вопросов безопасности в немецкой политической повестке дня создало кризис обороноспособности ФРГ, закономерным следствием которого стала «смена эпох», т. е. переосмысление Берлином подходов к обеспечению своей безопасности, начавшееся с 2022 года и развивающееся в настоящее время.

Методы

В качестве методологической основы исследования трансформаций в политике безопасности и обороны ФРГ выбран структурно-функциональный подход. Исследовательский инструментарий включает в себя метод анализа стратегических и доктринальных документов страны. Выявление контекста формирования оборонной политики осуществляется благодаря историческому анализу и прослеживанию онтологии трансформационных процессов в их динамике, в том числе через идентификацию изменений в стратегической культуре государства. Также предпринимается попытка использования качественных методов для отслеживания взаимосвязи между дискурсом, институциональной практикой и результатами проводимой политики [1]. К этой группе можно отнести и использование системного подхода, который позволяет проследить изменения в политике безопасности и обороны, ее легитимности и идентичности. Проведены анализ и интерпретация статистических данных, полученных на сайтах специализирующихся на этом исследовательских платформ (например, Statista Research Department). Исследование обращается к проблеме также посредством изучения научных и аналитических

¹ Verteidigungspolitische Richtlinien 2023. Bundesministerium der Verteidigung (BMVg). November 2023 // Bundesministerium der Verteidigung. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5701724/5ba8d8c460d931164c7b00f49994d41d/verteidigungspolitische-richtlinien-2023-data.pdf> (дата обращения 02.08.2025).

изысканий по описываемой теме. К возможным методологическим ограничениям данной работы можно отнести аналитическую субъективность автора в выборе и интерпретации используемых источников.

Оценка политики безопасности и обороны ФРГ представляется слабо репрезентативной, если не будут учтены исторические детерминанты, повлиявшие на ее формирование и трансформацию. Их учет позволит сформировать контекст, определяющий ее дальнейшую эволюцию и оформление в формат, существующий в настоящее время.

Исторический контекст формирования немецкой политики безопасности и обороны

Вторая мировая война повлекла катастрофические потери для всех вовлеченных в нее сторон. Ярко выраженный масштаб этой катастрофы можно было наблюдать в поствоенной Германии, стране, не только потерпевшей поражение в войне, но и ответственной за тысячи военных преступлений и преступлений против человечности. При всех разрушительных последствиях Второй мировой войны Германия не исчезла с географической и политической карты, хотя ставился вопрос о формировании ее будущего как государства. Наряду с этим будущее вооруженных сил Германии и ее политики безопасности занимали важную позицию в европейской повестке дня.

Обращает на себя внимание тот факт, что после войны Германия переживала существенные перемены на уровне национального самосознания, проходившего трансформацию от вчерашней идеологии воинствующего милитаризма к последующему отторжению войны и связанных с ней концептов, включая применение военной силы в политике. Постулат «*nie wieder*» («никогда больше») лег в основу немецких ценностей и немецкой политической культуры и выступил нуклеарным принципом, определявшим формирование и развитие поствоенной немецкой политики безопасности.

Сдержанные подходы в аспектах, связанных с военной политикой, не означали отказ от выстраивания оборонной политики или обеспечения безопасности. Это понимали и страны западной коалиции, сохранявшие оккупацию существенной территории Германии. В связи с этим неудивительно, что западные страны акселерировали военно-политическую интеграцию Германии в западные блоки, в первую очередь в НАТО и формирующееся общеевропейское интеграционное пространство. США, Великобритания и Франция закладывали основы немецкой государственности, что нашло положительное восприятие в немецких правящих кругах по причине уже формирующегося комплекса вины. Необходимо обратить внимание на то, что первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр был открытым «атлантистом» и вел последовательный курс на политический и военный союз с США, Великобританией, Францией, Италией и другими странами Западной Европы [2]. Для Западной Германии был исключен путь нейтралитета, и ФРГ должна была стать военным и политическим союзником США и западноевропейских стран.

Здесь важно обозначить несколько ключевых моментов. Во-первых, Великобритания, США и Франция были заинтересованы в формировании политики безопасности и обороны Германии в единстве с их политическими векторами ввиду развивающегося противостояния с СССР, где Западной Германии отводилась роль

форпоста и основной территории потенциального военного столкновения США и западноевропейских стран с Советским Союзом. В этом смысле неудивительно, что, как следствие, одним из основных принципов внешней и оборонной политики ФРГ стал принцип «объединения с Западом» («Westbindung»), предполагающий формирование немецкого внешнеполитического и оборонного курсов в единстве с ожиданиями союзников и интеграцию Германии в западноевропейские политические и военные организации.

Во-вторых, за счет включения Германии в западные военно-политические блоки обеспечивался не только контроль над немецкой политикой, но и одновременно страны западной коалиции имели возможность непосредственно влиять на ее формирование – как концептуально, так и предметно. Германия даже в послевоенном разрушенном состоянии была важным экономическим и политическим актором в европейском пространстве. Нетрудно увидеть в этом прагматизм в его эксплицитном выражении. С политической точки зрения полезно иметь союзника в лице крупного центральноевропейского государства даже с пострадавшей инфраструктурой, экономической и политической сферой, но с потенциалом к дальнейшему восстановлению и росту. Еще более выигрышно, когда этот союзник пребывает в глубоком состоянии вины и готов на уступки и переговоры на выгодных условиях.

В-третьих, и для самой Западной Германии были преимущества в активной поддержке и влиянии со стороны Великобритании, США и Франции. Здесь уместно упомянуть и план Маршалла, в рамках которого была оказана существенная финансовая помощь на восстановление немецкой экономики и инфраструктуры, и другие инициативы, направленные на передачу немцам американского опыта ведения бизнеса и построения промышленности [3].

Резюмируя вышесказанное, следует констатировать, что политика безопасности и обороны Западной Германии развивалась в рамках тесных союзных отношений со странами Западной Европы и США и в целом приверженности атлантическим и общеевропейским принципам. Североатлантический альянс, в свою очередь, выступал гарантом безопасности ФРГ от внешних угроз. Фундаментальные принципы оборонной политики ФРГ были сосредоточены вокруг обеспечения территориальной обороны, выполнения обязательств в рамках военных и политических альянсов и с немецкой стороны исключали любое инициирование и применение военной силы.

Эволюция политики безопасности и обороны ФРГ после объединения

После объединения Германии политика безопасности и обороны ФРГ претерпела концептуальную трансформацию, что было связано с рядом факторов.

Во-первых, происходило переосмысление подходов ФРГ к вопросам применения военной силы. Напомним, что до 1990 года политика безопасности Западной Германии была сконцентрирована только на обеспечении территориальной обороны. Причиной этому являлась исторически сформировавшееся во время холодной войны осторожное и аккуратное отношение к любого рода мероприятиям, связанным с применением военной силы. Это отношение обрамлялось не без участия США и западноевропейских союзников, которым было удобно и выгодно держать Германию на коротком поводке, ограничивающем в четко заданных рамках ее амбиции и инициативу. После 1990 года Германия начала принимать более активное уча-

ствие в обеспечении международной безопасности. Оно нашло свое выражение, например, в Косовской войне, где Германия проводила военную операцию в составе контингента НАТО – первая военная кампания ФРГ с окончания Второй мировой войны. Данный сюжет обращает на себя внимание, так как эти действия Германии иллюстрировали новый этап развития политики безопасности, который более не ограничивался защитой исключительно своей территории.

Немаловажно отметить также, что Германии в структуре НАТО была отведена роль «рамочной нации». Этому есть несколько объяснений. С прагматической точки зрения присваивание такого статуса именно Германии представляется весьма оправданным. Начнем с того, что ФРГ имеет выгодное территориальное расположение в центре Европы. Стоит также помнить, что инфраструктура НАТО формировалась не одномоментно, а проходила длительный процесс строительства во время холодной войны, поэтому использование существующего задела, дислоцированного на территории ФРГ, весьма целесообразно. Нельзя не отметить, что Германия представила концепцию рамочных наций («Framework Nations Concept»), которая представляет собой системный подход к развитию потенциала НАТО, где крупные страны, такие как Германия, берут на себя ответственность за координацию деятельности менее крупных союзников. Будучи рамочным государством, Германия обеспечивает ключевой военный потенциал в возглавляемые ею кластеры, включая предоставление значительной части военного контингента. Репрезентацией этих действий стало участие ФРГ в кампаниях, проводимых под эгидой НАТО, таких как Международные силы содействия безопасности в Афганистане [4].

Во-вторых, индикатором трансформаций в политике безопасности и обороны можно считать расширение понимания того, что есть безопасность и какой инструментарий можно использовать для ее обеспечения. Здесь тоже осуществлялся выход за уже привычные устоявшиеся рамки представлений о том, что безопасность можно реализовать только за счет применения военной силы. В Берлине сделали выбор в пользу признания того, что немаловажное значение приобретают мультилатерализм, дипломатия, кризисное реагирование, превентивное урегулирование конфликтов, политическое сдерживание. То есть по своей сути это был сдвиг в методологии и способах применения силы. Они, в свою очередь, коррелировали и с основополагающими конструктами немецкой стратегической культуры [5], такими как неприятие милитаризма и «синдром побежденной нации» [6]. В этот ряд попадает и еще один концепт, характеризующий внешнеполитические и оборонные подходы ФРГ, – «гражданская держава». Именно это выражение часто ассоциируется с Германией и обозначает приоритезацию невоенных методов разрешения и урегулирования конфликтов, приверженность принципам международного права, многосторонний подход во внешней политике. Было бы ошибочным полагать, что такой подход подразумевает полный отказ от применения военной силы. В действительности ее использование воспринималось как *ultima ratio*. Такой подход базируется на существующей немецкой «культуре сдержанности» («Kultur der Zurückhaltung») в применении военной силы.

В-третьих, в условиях отсутствия прямого геополитического противника, когда перспектива вооруженного столкновения с каким-либо контрагентом представлялась маловероятной или несущественной по масштабам, готовность страны к потенциальному отражению военной угрозы отходила с первостепенной пози-

ции в списке приоритетов. В свою очередь, приобретало важность установление прочных дипломатических, политических, экономических, социальных и культурных взаимоотношений с разными партнерами. Таким образом, вычерчивалась еще одна перспектива внешнеполитических подходов ФРГ, которую можно описать как «экономическая дипломатия»: политическое и экономическое взаимодействие способствуют стабильности и сотрудничеству, т. е. являются сами по себе гарантией безопасности [7]. Предполагалось, что по значимости взаимоотношения между странами будут перевешивать альтернативу разрешения противоречий за счет использования военной силы. Подобный подход нашел свое воплощение, например, в отношениях с Китаем и Россией.

В-четвертых, ФРГ продолжила следовать курсу на интеграцию в западноевропейские и трансатлантические политические и военные союзы. Характерно, что после 1990 года происходило усиление роли Берлина в этих структурах. Наряду с деятельностью ФРГ в рамках НАТО представляется важным также вспомнить о ее вкладе в строительство и углубление общеевропейской оборонной интеграции в рамках Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО ЕС).

Уместно отметить, что ФРГ была вовлечена в становление общеевропейских институтов обеспечения безопасности еще на ранних этапах формирования ОПБО ЕС. В конце 1990-х – начале 2000-х годов Германия играла ключевую роль в поддержке франко-британской инициативы, которая легла в основу создания ОПБО. Председательство Германии в ЕС в 1999 году выступило в качестве некоторого фасилитатора этого процесса, когда немецкие политики внесли существенный вклад в оформление институциональных рамок Общей внешней политики и политики безопасности ЕС. Нельзя не заметить, что, несмотря на существенную поддержку общеевропейской оборонной инициативы как на дипломатическом, так и на экономическом уровне, подходы ФРГ к применению военных инструментов в политике безопасности и обороны оставались достаточно осторожными, что было опосредовано позицией ФРГ как «гражданской державы», внутриполитическими дебатами по вопросам безопасности и историческими детерминантами [8], о которых мы упоминали ранее. Даже при учете этих соображений, которые могли бы в определенной степени ограничивать немецкую инициативу, ФРГ занимала одну из ключевых позиций в ОПБО ЕС, продвигая при этом принцип совместного лидерства, прежде всего с Францией, который воплощает в себе присущую ЕС модель коллективного принятия решений.

Стрессоустойчивость европейской модели коллективной безопасности проверялась с течением времени. Это нашло свое выражение в таких поворотных моментах в эволюции европейской безопасности, как Брексит или первый президентский срок Дональда Трампа, события, когда Великобритания и США уменьшили свое влияние и участие в вопросах европейской обороны, создав тем самым вакуум, который пытались заполнить Германия совместно с Францией. Такой подход к сотрудничеству последних двух стран, называемый также «европеизированное совместное лидерство» [9], позволил Берлину и Парижу воплотить ряд институциональных реформ в ОПБО ЕС, как, например, создание Центра военного планирования и управления ЕС (The Military Planning and Conduct Capability – МРСС) и инициирование Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (Permanent Structured Cooperation in Defense – PESCO) в 2017 году. Более того, был разработан ряд доктринальных документов, среди которых «Стра-

тегический компас по вопросам безопасности и обороны» (март 2022 года), Белая книга европейской оборонной готовности к 2030 году (март 2025 года) и др.

Также важно отметить участие ФРГ в совместных военных и невоенных операциях, проводимых под эгидой НАТО и ЕС. Оно выражалось в предоставлении невоенной помощи и вооружений в рамках миссий в Ираке после 2014 года, Мали и Сирии [10]. В этих операциях Германия предприняла попытку смены своей роли от периферийного наблюдателя к одному из ключевых акторов, обеспечивающих их проведение.

Представляется, что камнем преткновения для Германии является поддержание баланса между ее трансатлантическими обязательствами и деятельностью в рамках ОПБО ЕС. Немецкие политики делали акцент на ведущей роли НАТО в обеспечении безопасности в том числе и на европейском континенте. В то же время предпринимались усилия по развитию и укреплению ОПБО. Балансирование между такими векторами оборонной политики воплощает собой комплексность современной европейской безопасности, в которой ФРГ должна учитывать порой несопадающие ожидания европейских партнеров, с одной стороны, и Соединенных Штатов – с другой, чтобы вклад Германии в ОПБО был весомым как с политической, так и с оперативной точки зрения [11]. Подобная дихотомия в целом укладывается в один из ключевых подходов, имплементируемых Германией в своей внешней политике и политике безопасности, – мультилатерализм. В то же время возникает резонный вопрос о целесообразности функционирования ОПБО ЕС в реалиях, когда большинство ее стран-членов одновременно являются членами НАТО.

Инвестирование Германией в ОПБО ЕС продиктовано рядом соображений. Принимая во внимание, что НАТО позиционируется как одна из основ немецкой оборонной политики, ресурсы и потенциал Альянса могут использоваться не всегда и не для всего. В данном случае речь идет не о комплексности миссии, а о ее целеполагании и сообразности в целом. Операции, которые могут представляться в качестве наименее значимых, и, соответственно, целесообразных для Североатлантического альянса, могут оказаться весомыми и имеющими значение для Европы. В современное время не всегда и не все риски и угрозы безопасности укладываются в традиционные парадигмы ведения войны. ОПБО ЕС в этом смысле выступает удобным инструментом для решения разного рода задач, будь то обеспечение безопасности в киберпространстве, контртеррористические операции, невоенные методы предотвращения и/или урегулирования кризисов, находящиеся вне сферы действия мандата по обеспечению коллективной обороны НАТО. В этом смысле существование ОПБО ЕС обретает больший смысл: выполнение задач под потребности и исходя из интересов именно Евросоюза. Более того, ОПБО ЕС для ФРГ выступает в качестве платформы, дополняющей НАТО и позволяющей укрепить европейский оборонный потенциал и усилить возможности по проведению Европой самостоятельных операций по предотвращению и урегулированию кризисов [12]. Дополнительно необходимо отметить, что Общая политика безопасности и обороны ЕС способствует развитию и углублению политической и экономической интеграции европейских партнеров.

Отметим, что ФРГ намерена инвестировать в общеевропейскую оборону, исходя из стремлений построить более интегрированную и автономную европейскую архитектуру безопасности. Такая мотивация продиктована рядом обстоятельств, начи-

ная от постоянного возникновения разного рода угроз европейской безопасности, будь то киберпреступления или эскалация региональных конфликтов в непосредственной близости к ЕС или в зоне его интересов, продолжая намерением наращивать собственные оборонные возможности, которые позволили бы ЕС при возникновении подобного рода необходимости действовать независимо и автономно.

Можно полагать, что гибкость и многовекторность подходов к обеспечению безопасности является для ФРГ оптимальной стратегией обеспечения обороны. Германия, будучи одним из форвардеров ЕС при одновременном приоритете трансатлантического партнерства в конструкции своей политики безопасности, нацелена на снижение своей и общеевропейской зависимости от Соединенных Штатов и европейского вектора их внешней политики [13]. Здесь уместно оговориться, что это не означает смену ориентационных векторов с трансатлантического на общеевропейский, когда акцент с одного уходит на другой. Скорее, можно предположить, что немцы и их европейские партнеры стали уделять больше внимания ОПБО ЕС, когда американские партнеры стали в более эксплицитной форме иллюстрировать значительное снижение заинтересованности в отношениях с Европой, периодически сопровождающееся рассуждениями американской президентской администрации о самостоятельности и дееспособности ЕС как международного актора, что наиболее ярко нашло свое выражение во второй президентский срок Д. Трампа [14]. Одновременно с этим инвестирование Германией в ОПБО ЕС помогает преодолеть разрыв между присущей НАТО оперативной ориентацией и более широкими подходами к пониманию рисков и угроз безопасности, присущими европейцам. Подобная роль Германии как связующего звена важна не только для усиления общей архитектуры безопасности Европы, но и для сохранения своего влияния как в трансатлантической, так и в европейской оборонных структурах. Использование преимуществ НАТО и ОПБО ЕС позволяет ФРГ быть защищенной от зависимости от какого-то конкретного альянса.

Финансирование, выделяемое ФРГ на оборону

Отдельного рассмотрения заслуживает инвестирование Германии в оборону, объем которого находился в прямой зависимости от ряда экономических, внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Экономика исторически играла существенную роль в определении объема средств, инвестируемых в безопасность. Начнем с того, что объединение страны наложило существенную нагрузку на бюджет страны, из-за чего финансирование безопасности и обороны занимало в бюджетных статьях отнюдь не первостепенные позиции. На экономику ФРГ оказала влияние и давно назревающая необходимость проведения структурных реформ в стране, а также изменившийся после окончания холодной войны ландшафт на международной арене. Несмотря на то, что бундесвер претерпел существенные трансформации, масштабы инвестирования в него часто ограничивались внутренними бюджетными и политическими соображениями. К последним, в частности, можно отнести, например, соблюдение обязательных маастрихтских критериев, жесткую бюджетную дисциплину, навязанную Федеральным министерством финансов. Сюда же можно включить проблемы, связанные с закрытием военных баз, которые оказывали непосредственное влияние как на экономику, так и на настроения электората в землях, где проходило закрытие [15]. Эти факторы накладывали явные ограничения

на выделение дополнительного финансирования бундесвера, даже с учетом диверсификации и расширения спектра выполняемых им задач. Непростое положение дел разворачивалось и на внешнеполитическом треке. Действительно, ФРГ поставила во главу угла концептуальный принцип «гражданской державы» в своей внешнеполитической деятельности и политике обороны.

Однако представления Германии не коррелировали в полной мере с деятельностью НАТО, который активно вел военные операции, где предполагалось участие ФРГ. Этот диссонанс спровоцировал внутривнутриполитические конституционные дебаты и пересмотр правовых норм, регламентирующих участие ФРГ в военных кампаниях за пределами ее территориальных границ. Более того, несмотря на интегрированность ФРГ в НАТО, активное участие в операциях Альянса, финансирование Германией собственной обороны проходило в дискурсе пацифизма и экономического прагматизма. Он являлся результатом сформулированного политического консенсуса, согласно которому военные расходы рассматривались как менее важные в сопоставлении с непосредственными социально-экономическими проблемами, стоящими перед страной.

Стремление к модернизации существующей оборонительной позиции наряду с постепенно вносимыми корректировками в правовую базу позволили ФРГ расширить сферу деятельности бундесвера [16]. В то же время сложно утверждать, что расширенный функционал стимулировал его финансовое и ресурсное обеспечение. Подтверждением этому является невыполнение Германией вплоть до 2024 года принятого странами НАТО показателя в 2 % ВВП для обеспечения обороноспособности страны [17]. При всех декларируемых благих намерениях укреплять оборону, в условиях, когда нет прямой или непосредственной угрозы безопасности, они уходят на второй план, уступая место прагматичным экономическим соображениям. По сути, эти наблюдения были обозримы в немецкой политике безопасности и обороны ориентировочно с 1990 по 2022 гг.

Рис. 1 иллюстрирует, что в период с 2008 по 2014 гг. расходы на бюджет в среднем составляли 44,36 млрд. долларов США. В то же время с 2015 по 2017 гг. наблюдалось снижение финансирования, что может свидетельствовать о некотором отклонении от наращивания военной силы на национальном уровне в сторону приоритета многостороннего сотрудничества в рамках ОПБО ЕС и НАТО. Эта тенденция подтверждается снижением оборонного финансирования в ряде стран ОПБО ЕС [18].

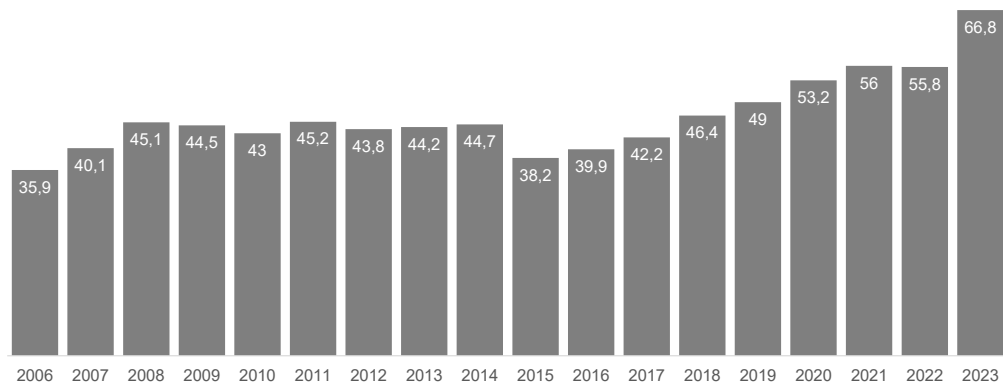

Рисунок 1. Военные расходы ФРГ в период с 2006 по 2023 гг. (в млрд долл.) [19].

В то же время с 2018 года идет увеличение финансирования обороны, что опосредовано интенсификацией напряженности в международной политике (в особенности с 2022 года). Не осталось незамеченным недофинансирование бундесвера, проявившее его ригидность и недостаточную адаптивность к реагированию на эскалирующиеся кризисы и конфликты. В этом смысле увеличение бюджета, выделяемого на оборону, является не только мерой, продиктованной обстоятельствами на внешнеполитическом контуре, но и давно назревавшей необходимостью. В частности, модернизация военной техники была сопряжена с бюрократическими проволочками, а реализация проектов занимала десятилетия [20]. Следствием этого стало устаревание техники, потенциала которой недостаточно для решения задач современной войны. Еще одной проблемой, например, стало отсутствие централизованного органа, ответственного за закупки, а также раздробленный характер оборонной бюрократии, что существенно снижало эффективность модернизации бундесвера [21]. Эти факторы, наряду с иными, подсветили уже долго время существующие проблемы в обеспечении обороны, которые государство принялось решать в ускоренном порядке.

Нехватка стратегического планирования нашла выражение и в реализации политики «Смены эпох». Не преуменьшая ее значимости, стоит заметить, что при существенном сдвиге в области политики безопасности и обороны, отсутствие четкой дорожной карты модернизации системы обороны привело к задержкам и снижению результативности в реализации заявленных реформ [22].

Можно предположить, что финансирование, выделяемое на обеспечение обороноспособности страны, будет увеличиваться. Об этом свидетельствует как внутри-, так и внешнеполитический контекст. Канцлер Ф. Мерц, возглавивший избранное в 2025 году правительство, заявил о намерении увеличить расходы на оборону до 3,5 % ВВП к 2029 году (с ~95 млрд. евро в 2025 году (включая 9 млрд. евро, выделяемых Украине) до ~162 млрд. евро в 2029 году) [23].

Выводы

Политика безопасности и обороны ФРГ представляет собой сложный и многогранный феномен, развитие которого определяется комплексом исторических и культурных, внутри- и внешнеполитических детерминант. Ядро политики формируется синергией осторожной и осмотрительной оборонной политики и методов дипломатического урегулирования, а также приверженности оборонным интеграциям под эгидой ЕС и НАТО. Для Германии Европейский союз представляет основную платформу не только с политической, экономической и социальной точек зрения, но и с точки зрения перспективы обеспечения безопасности и обороны. В то же время НАТО остается краеугольным камнем европейской коллективной обороны, что несет практические и прагматические преимущества, но в то же время накладывает определенные ограничения в виду зависимости от европейского вектора внешней политики США. В настоящее время с определенной долей уверенности можно полагать, что роль Североатлантического альянса в политике безопасности как ФРГ, так и ЕС будет усиливаться и укрепляться. Этому способствует ряд обстоятельств.

Во-первых, при декларируемых со стороны Соединенных Штатов интенциях снижать свое участие в европейских делах на сегодняшний день нет достаточных

оснований полагать, что США уйдут с европейской авансцены для концентрации своих усилий на противостоянии Китаю и решения вопросов в регионе Ближнего Востока. Полезно помнить, что Европейский союз является важным игроком на международной арене и лояльным американским союзником, который может внести существенный вклад в американскую борьбу с Китаем. Во-вторых, Европейский союз не иллюстрирует готовность к гипотетическому снижению влияния США на европейском континенте. В ходе саммита НАТО в Гааге 24–25 июня 2025 года странами-членами было принято сложное, но важное решение об инвестировании 5 % ВВП на оборону. Это достаточно болезненное для европейцев решение проливает свет на несколько важных моментов. С одной стороны, со стороны европейцев оно репрезентирует уступку США и удовлетворение требований американцев об увеличении вклада европейских партнеров как в собственную, так и коллективную оборону в рамках Альянса. С другой стороны, увеличение инвестиций в собственную оборону является прагматически целесообразным действием, так как удовлетворение требований США и усиление позиций НАТО и его членов может являться гарантией дальнейшего укрепления Альянса в прежнем составе.

Рассмотренные обстоятельства демонстрируют, что политика безопасности и обороны ФРГ прочно интегрирована в наднациональные оборонные структуры, образованные на базе европейских и трансатлантических институтов. Важно отметить, что Германия как одна из крупнейших и наиболее сильных европейских стран помимо приверженности многосторонним союзническим отношениям в рамках интеграций отдает себе отчет в насущности и необходимости укрепления собственной обороны, т. е. обороноспособности на национальном уровне. Исходя из этих соображений Германия находится на пути достижения баланса между вкладом в национальные и наднациональные структуры обеспечения безопасности, которые находятся в прямой и непосредственной взаимозависимости. Примечательны заявления федерального канцлера Фридриха Мерца в своем выступлении перед Бундестагом 14 мая 2025 года: «Мы хотим быть в состоянии защитить себя, чтобы нам не пришлось защищаться <...> Федеральное правительство предоставит бундесверу все необходимые ресурсы для того, чтобы он стал самой сильной регулярной армией Европы. <...> Цель состоит в том, чтобы Германия и Европа были настолько сильны, что нам никогда не придется использовать наше оружие»². Подобные сигналы, исходящие из Берлина, иллюстрируют ориентацию немцев на политику сдерживания в обеспечении собственной и общеевропейской обороны.

На сегодняшний день сложно заявлять об агрессивности и/или наступательном характере немецкой оборонной политики. Скорее, речь идет об очередном этапе ее эволюции, целью которого является достижение баланса между ориентированностью на наднациональные структуры, являющиеся гарантом в том числе немецкой безопасности, и усилиями по построению собственной обороноспособности на национальном уровне. Фундаментально она по-прежнему базируется на существующих принципах мультилатерализма, многосторонних подходах к методам кризисного и конфликтного урегулирования, превалировании дипломатии и политического сдерживания, методология которых проходит адаптацию под условия внешнеполитического климата.

---

² Deutscher Bundestag – 21. Wahlperiode – 3. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 14. Mai 2025. S. 81. // Deutscher Bundestag. URL: <https://dserver.bundestag.de/btp/21/21003.pdf#P.79> (дата обращения 02.08.2025).

Важно помнить, что для ФРГ исторически после Второй мировой войны был характерен антимилитаризм, нежелание и сопротивление использованию военной силы, недопустимость ее применения за пределами национальных границ. При этом в дальнейшем немецкая стратегическая культура проходила эволюционное развитие для достижения равновесия между антимилитаристским сентиментом и прагматическими соображениями, формируемыми внешнеполитическими условиями и международным ландшафтом.

Ссылки

1. Lippert R. K., Walby K., Wilkinson B. Spins, Stalls, and Shutdowns: Pitfalls of Qualitative Policing and Security Research // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2016. Vol. 17, No. 1. Art. no. 10. DOI 10.17169/fqs-17.1.2411
2. Кремер И. С. ФРГ: внутривластная борьба и внешняя ориентация. М.: Мысль, 1977. 336 с.
3. Stöckmann J. Spreading the Culture of Economic Growth: Productivity Missions and the Americanization of the German Economy // *Journal of Contemporary History*. 2023. Vol. 58, № 1. P. 92-114. DOI 10.1177/00220094221127533
4. Allers R. The framework nation: can Germany lead on security? // *International Affairs*. 2016. Vol. 92, No. 5. P. 1167-1187. DOI 10.1111/1468-2346.12702
5. Белозёров В. К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2022. № 1. С. 10-18. DOI 10.52070/2500-347X_2022_1_846_10
6. Ухорская А. И., Кирилина Е. Ю., Кожухова К. Е. Антиномии стратегических культур Запада и Востока (на примере Германии, Франции и Китая) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2021. Вып. 21, № 1. С. 110-117. DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117
7. Hüther M., Iglesias S. G. Sicherheit als wirtschaftspolitische Herausforderung // *Wirtschaftsdienst*. 2024. Vol. 104, No. 10. P. 672-676. DOI 10.18500/1818-9601-2021-21-1-110-117
8. Maull H. Germany and the use of force: still a "civilian power"? // *Survival*. 2000. Vol. 42, No. 2. P. 56-80. DOI 10.1093/survival/42.2.56
9. Marksteiner A. The Europeanization of European Defence and the Future of Transatlantic Relations // *Southern California International Review*. 2019. Vol. 9, No 1. P. 64-79.
10. Terry P. Germany Joins the Campaign against ISIS in Syria: A Case of Collective Self-Defence or Rather the Unlawful Use of Force? // *Russian Law Journal*. 2016. Vol. 4, No. 1. P. 26-60. DOI 10.17589/2309-8678-2016-4-1-26-60
11. Iso-Markku T., Müller-Brandeck-Bocquet G. Towards German leadership? Germany's Evolving Role and the EU's Common Security and Defence Policy // *German Politics*. 2020. Vol. 29, No. 1. P. 59-78. DOI 10.1080/09644008.2019.1611782
12. Daehnhardt P. European Defence and German Defence Cooperation // *Nação e Defesa*. 2018. № 150. P. 94 114.

13. Helwig N. Out of order? The US alliance in Germany's foreign and security policy // Contemporary Politics. Informa UK Limited, 2020. Vol. 26, No. 4. P. 439-457. DOI 10.1080/13569775.2020.1777039

14. Trump's US doesn't just think Europe is obsolete - it wants to see it dead // The Guardian. 31.03.2025 URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/mar/31/donald-trump-europe-trade-war-greenland> (дата обращения: 02.08.2025).

15. Dyson T. German Military Reform 1998-2004: Leadership and the Triumph of Domestic Constraint over International Opportunity // European Security. 2005. Vol. 14, No. 3. P. 361-386. DOI 10.1080/09662830500407929

16. Meiers F.-J. Germany's defence choices // Survival. 2005. Vol. 47, No. 1. P. 153-165. DOI 10.1080/00396330500061810

17. Germany hits 2 % NATO spending target for first time since end of Cold War // Reuters. 14.02.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germany-hits-2-nato-target-first-time-since-1992-reports-dpa-2024-02-14/> (дата обращения: 02.08.2025).

18. Schilde K. European Military Capabilities: Enablers and Constraints on EU Power? // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2017. Vol. 55, No. 1. P. 37-53. DOI 10.1111/jcms.12444

19. Germany - military spending 2006-2023 // Statista Research Department. URL: <https://www.statista.com/statistics/575153/military-spending-germany/> (дата обращения: 02.08.2025).

20. Zhang Y. Germanys Rearmament Plan: A Problem of Bureaucracy // Communications in Humanities Research. 2023. Vol. 4, No. 1. P. 418-425. DOI 10.54254/2753-7064/4/20220630

21. Kerber M. C., Reza N. Die Reform der Rüstungsbeschaffung // Wirtschaftsdienst. 2024. Vol. 104, No. 3. P. 200-204. DOI 10.2478/wd-2024-0054

22. Giegerich B., Schreer B. Zeitenwende One Year On // Survival. 2023. Vol. 65, No. 2. P. 37-42. DOI 10.1080/00396338.2023.2193095

23. Germany to raise defence spending to 3.5 % of GDP by 2029, sources say // Reuters. 23.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/germany-raise-defence-spending-35-gdp-by-2029-sources-say-2025-06-23/> (дата обращения: 02.08.2025).